

ST PETERSBURG STATE UNIVERSITY
INSTITUTE FOR LINGUISTIC STUDIES (RAS)
HERZEN STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY OF RUSSIA

PROCEEDINGS
OF THE INTERNATIONAL CONFERENCE
«CORPUS LINGUISTICS–2019»

June 24–28, 2019, St. Petersburg

SAINT PETERSBURG UNIVERSITY PRESS
2019

*Организационный комитет конференции
«Корпусная лингвистика–2019»*

В. П. Захаров (председатель), Е. Л. Алексеева,
Л. Н. Беляева (зам. председателя), Е. С. Гвоздѣва, А. О. Гребенников,
А. А. Захарова, О. Н. Камшилова, О. Н. Крылова, О. В. Митренина,
О. А. Митрофанова, И. С. Николаев (зам. председателя),
В. И. Рубинер, М. В. Хохлова

*Программный комитет конференции
«Корпусная лингвистика–2019»*

В. П. Захаров (председатель), И. В. Азарова, Е. Л. Алексеева,
Л. Н. Беляева, В. Бенко (Словакия), С. Ю. Богданова, Н. В. Борисов,
В. В. Бочаров, Р. Вальденфельс (Германия), Л. А. Вербицкая,
Р. Гарабик (Словакия), А. Горак (Чехия), Т. Елинек (Чехия),
А. В. Зубов (Беларусь), Л. Л. Иомдин, Н. Н. Казанский, Е. Каллас (Эстония),
М. В. Копотев (Финляндия), Д. А. Кочаров, М. Кршен (Чехия),
М. А. Куниловская (Великобритания), У. Лоу (Великобритания),
О. Н. Ляшевская, В. Матоушек (Чехия), О. А. Митрофанова,
И. С. Николаев, Х. Нэси (Великобритания), К. Пала (Чехия),
В. Петкевич (Чехия), А. Ч. Пиперски, В. А. Плунгян,
Р. Рейнольдс (США), Л. В. Рычкова (Беларусь), С. О. Савчук,
В. П. Селегей, Д. В. Сичинава, О. Скривнер (США), В. Д. Соловьев,
А. Стефанович (Германия), Ю. Тао (Китай), М. В. Хохлова,
А. Я. Шайкевич, С. А. Шаров (Великобритания), Т. Ю. Шерстинова,
М. Шимкова (Словакия), С. Эйден (Франция), М. Якубичек (Чехия)

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. А. И. ГЕРЦЕНА

ТРУДЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«КОРПУСНАЯ ЛИНГВИСТИКА–2019»

24–28 июня 2019 г., Санкт-Петербург

ИЗДАТЕЛЬСТВО САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

2019

ББК 81.1
Т78

Ответственный редактор издания
В. П. Захаров

**Труды международной конференции «Корпусная лингвистика-
Т78 2019».** — СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2019. — 448 с.

Сборник содержит материалы докладов, представленных на Международной научной конференции «Корпусная лингвистика-2019» 24–28 июня 2019 г. в Санкт-Петербурге.

Создание корпусов текстов является одним из приоритетных направлений в современной лингвистике. Проведение конференции по данной тематике знакомит ученых с современными разработками и новыми технологическими решениями в этой области, а также способствует обобщению опыта научных исследований по корпусной лингвистике.

ББК 81.1

© Санкт-Петербургский
государственный университет, 2019
© Авторы, 2019

СТИЛИЗОВАННЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ ТРИАДЫ В РУССКОМ РАССКАЗЕ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА¹

STYLIZED SYNTACTIC TRIADS IN THE RUSSIAN SHORT STORY OF THE FIRST THIRD OF THE 20TH CENTURY

Аннотация. В статье на материале рассказа Артема Веселого «Реки огненные» рассматриваются структурные особенности стилизованного на основе сказа и орнаментализма индивидуального нарратива. В центре внимания находятся минимальные единицы такого повествования, называемые в статье триадами, а также более крупные единицы – текстовые фрагменты, построенные с использованием триад. Описываются особенности таких фрагментов, корреспондирующие с «огненной рекой» революционных событий, освещаемых в рассказе. Попутно рассматриваются стилистические средства, усиливающие эффективность орнаментальных структур, например «лестничные» конструкции. Предлагаемая методология позволяет объединить традиционный литературоведческий анализ с методами корпусной лингвистики.

Ключевые слова. Русская литература, русский рассказ, XX век, нарратив, сказ, орнаментальность, стилизация, синтаксические триады, «лесенки», количественный анализ.

Abstract. The article proposes methodology of structural features analysis of the individual narrative style. The methodology is shown on "Rivers of Fire" by Artem Vesely, which is a fine sample of Russian post-revolutionary ornamental narration. The paper focuses on the so-called "triads", which are the minimal ornamental units of narration, as well as on the larger units – text fragments formed by these triads. The features of such fragments corresponding with the "rivers of fire" of the revolutionary events are described both qualitatively and quantitatively. At the same time, stylistic tools that enhance the effectiveness of ornamental structures, such as the "stairsteps"-designs, are considered. The proposed methodology allows to combine traditional literary analysis with the methods of corpus linguistics.

Keywords. Russian literature, Russian short story, the 20th century, narrative, narration, ornamentality, stylization, syntactic triads, "stairsteps", quantitative analysis.

1. Введение

В современной русской словесности серьезное внимание отводится изучению жанра короткой строки (Смирнов, 1883; Нильссон, 1993; Анализ художественного текста, 2018; Мартыненко и др., 1918). Для

¹ Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 17-29-09173 офи_м «Русский язык на рубеже радикальных исторических перемен: исследование языка и стиля предреволюционной, революционной и постреволюционной художественной прозы методами математической и компьютерной лингвистики (на материале русского рассказа)».

русской художественной прозы первой трети XX века характерна откровенная фигуративность и сказовость (Русская литература, 2005; Новиков, 1990). Первая черта коренится в символизме Андрея Белого. Писатель сокрушал стилистические каноны, втягивая в орбиту своего влияния огромное число последователей. Еще одна черта литературы этого периода — ее все возрастающая демократичность, обусловленная вовлечением в художественное творчество огромных человеческих масс. Это предопределяет ее сказовость. В рассказах и повестях зазвучала разношерстная народная речь, пусть олитературенная, пусть стилизованная, но очень непривычная для читателя, воспитанного на классической литературе.

Объектом наших наблюдений является повесть (или «большой рассказ») выдающегося писателя 20-х гг. Артема Веселого «Реки огненные» — концентрат литературных нововведений 20-х гг.

В рассказе речь идет о приключениях двух дружков-матросов, подхваченных огненной рекой русской революции и брошенных с морских просторов в пекло Гражданской войны. Свою миссию дружки осознали весьма однонаправленно. Они поняли, что в это смутное время можно «хватать все, что плохо лежит». Вернувшись на корабль после окончания Гражданской войны, они по возможности продолжали свои черные делишки. Это были грубые беспринципные существа, проникшие в гущу идейного комсомольского сообщества. Тем самым автор стремился показать «изнанку» революции, а не только ее парадную, пафосную часть. Дружки-герои имели крестьянское происхождение, и это наложило отпечаток на их поведение и особенности речи. В гуще революционных событий они нахватались обрывков псевдореволюционной, а окунувшись в криминальную атмосферу, — блатной фразеологии. Такая смесь породила в творческой лаборатории Артема Веселого весьма специфический сказ, образующий во взаимодействии с авторским орнаментализмом особый стиль. Некоторые черты этого стиля мы рассмотрим ниже.

Наше внимание сосредоточим на синтаксических триадах, а уже потом рассмотрим некоторые сходные сопутствующие явления.

2. Что такое синтаксическая триада?

Начнем с конкретной триады и условий, ее породивших. Попытаемся дать первичное объяснение причины ее появления в определенном фрагменте текста.

Открывает список триад колоритное предложение-абзац: «Чокнулись, уркнули, крякнули». Что характерно для этой триады? Каждый из ее структурообразующих элементов — глагол в одной и той же грамматической форме, последовательность которых образуют минимальный перечислительный ряд. Все глаголы принадлежат к сфере, соотносящейся с выпивкой. Глагол «уркнули», по-видимому, имеет значение звука, издаваемого в предвкушении употребления напитка. Из-за того, что все глаголы употреблены в одной и той же форме, они созвучны.

Далее через определенный интервал следует серия аналогичных триад. От обычных предложений-абзацев их отличает то, что все они предельно коротки, включают три единицы и построены с использованием ограниченного набора моделей.

Триаде «Чокнулись, уркнули, крякнули» предшествует текст, в котором описана встреча Ваньки-граммофона и Мишки-крокодила на корабле с боцманом Федотычем после долгой разлуки, включающей и ритуал распива коньяка, припрятанного добряком-боцманом. Триада здесь подводит итог этой совокупности действий, т. е. она имеет некоторое финальное, результативное значение.

Следующая триада похожа на первую, вселяет семантическую неопределенность: «Охнули, ххакнули, задермушились»... Что означает глагол «охнули» — понятно, а вот какой смысл несут нам второй и третий глаголы, не разобраться без консилиума продвинутых лексикографов и пьянчужек. Перед нами какие-то облачка смысла, очень милые, с весьма расплывчатым смыслом. Этого для конкретности мало. А может, эта конкретность и не нужна. Можно удовлетвориться общим впечатлением.

По этой модели строится большое число триад. С тем отличием, что они содержат в своем составе зависимые от глагола члены. Приведем несколько примеров без комментариев:

*«Подмокли, рассолодели в ругатне, полоскались яро»,
«Утакали, удакали, съэтажили яро»,
«Дружков шатало, мотало, подмывало»,
«В уголь ужглись, укачало, утrepало».*

Особое подмножество представляют триады с одним и тем же глаголом:

*«Море качелилось,
песня качелилась,*

качелились блестящие крики чаек».
«Ноги пляшут, теплушки пляшут, степя пляшут».

В остальных триадах в качестве стержневых слов выступают не глаголы, а другие части речи:

«В позевотину, в одеяло, в храп»,
«Тоска, смертный час, тошнехонько»,
«Паровоз в храпе, паровоз в мыле, пыль пылом».

То, что триады строятся и таким способом — не случайность. Их источником является пристрастие Артема Веселого к «элементарным», сверхкратким фразам типа: «Братки в рев», «Бабы в крик», «Ванька поперек», «Братки в скуку», «Пятки градом» и др. Такие фразы как правило двухчленны. Это оказывает влияние и на размер предложения в целом тексте. В нем широко представлены предложения-абзацы, которые распределены в тексте следующим образом: см. табл. 1. Доля таких структур в общем числе абзацев составляет около трети от их общей массы. Соответствующий график показан на рис. 1. Он откровенно бимодален, указывая на неоднородность распределения. Левая часть представляет преимущественно стилизованные конструкции, правая — стилистически нейтральные.

Таблица 1. Распределение в рассказе предложений-абзацев

Число слов в предложении-абзаце	Частота	Число слов в предложении-абзаце	Частота
1	3	10	9
2	39	11	6
3	39	12	3
4	15	13	0
5	15	14	2
6	19	15	1
7	13	17	1
8	14	18	5
9	11	19 и более	5
Сумма			200

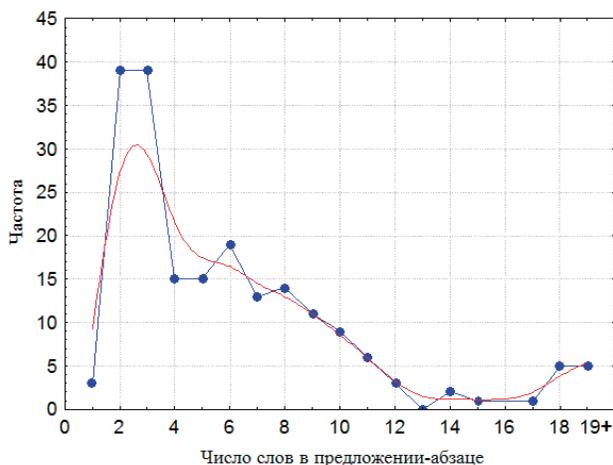

Рис. 1. Распределение абзацев-предложений по размеру

Доля сверхкоротких абзацев-предложений (размером не более трех слов) в массе таких структур весьма значительна — 40,5%. Такие фразы, как правило, играют важную прагматическую роль в композиции текста. Чаще всего они фигурируют в эмоционально напряженных фрагментах.

Предельными вариантами таких бинарных структур являются фразы, подчеркивающие неразрывное эмоциональное единство двух главных героев рассказа. Например: «Мишка засмеялся, Ванька засмеялся». «Мишка в обиде, Ванька в обиде», «Ванька зардовался, Мишка зардовался». Полная духовная спаянность, неразрывность героев осуществляется путем введения еще одного объединительного члена:

*«В Ваньке сердце стукнуло.
В Мишке сердце стукнуло.
Враз стукнули сердца».*

Вот такая триада. Вы когда-нибудь встречались с чем-то подобным?

И совсем всем на удивление через пару страниц вводится еще одна лексически и синтаксически аналогичная триада:

*«В Мишке сердце стукнуло,
В Ваньке сердце стукнуло,
Враз стукнули мерзлые, отоцалые сердца».*

В последней структуре триадность поддерживается трехступенчатой лесенкой. Такие орнаментальные структуры — излюбленный стилистический прием Артема Веселого:

*«По палубе хлынул бег,
в парусиновую подвесную койку
укладывался корабль спать».*

3. Расширение синтаксических триад и диад

Синтаксические триады и диады могут рассматриваться как перечислительные ряды минимальной длины. Протяженность ряда может быть увеличена на произвольное число членов. Это приводит к повествованию, основанному на однообразном нагнетании коротких глагольных предложений или однородных глаголов-сказуемых в рамках одного предложения.

Эти ряды, однако, не создают впечатление монотонности, не выбиваются из общей канвы нарратива. Они, быть может, более ритмичны, чем остальной текст.

Попытаемся убедиться в этом.

Для этого обратимся к весьма показательному фрагменту. Вот он:

«Густо плескались, пылали тяжелые ветра... Пылали, плескались зноем травы... Поезда бежали, зарывались в горы, с разбегу пробивали туннели. Табунами бродили пожары... Бежали сизые полынные степя... Дороги шумели половодьем.

Вытаптывая города и села, бежали красные, белые, серые и че-о-орная банда. Кованые горы бежали, дыбились, клешились. Бежали, как звери, густошерстные тучи, хвостами мутили игравшие реки.

Партизаны бежали, падали, бежали, плевались тресками, громами, бухами, хохом, ругом... Залпами расстреливали, бросками бросали наливные зерна разбойных дней».

Данный отрывок откровенно стилизован. Особенно режет слух настойчивое нагнетание глаголов в прошедшем времени, преимущественно в начальной позиции коротких предложений.

Для оценки стилистической оригинальности отрывка используем фоновый (обычный, не маркированный) отрывок, а также коллекцию триад. Сначала сравним эти три «текста» с точки зрения распределения частей речи и размера словоупотребления.

Фоновый текст приводится ниже.

«На дружках от военноморской робы одни клеши остались, обхлестанные клеши, шириною в поповские рукава. Да это и не беда! Ваньку с Мишкой хоть в рясы одень, а по размашистым ухваткам да увесистой сочной ругани сразу флотских признаешь. Отличительные ребятки; нахрапистые, сноровистые, до всякого дела цепкие да дружные. Насчет эксов, шамовки али какой ни на есть спекуляции Мишка с Ванькой первые хваты, с руками оторвут, а свое выдерут. Накатит веселая минутка — чужое для смеха прихватят. Черт с ними не связывайся — распотрошат и шкуру на базар. Даешь-берешь, денежки в клеш и каргала!»

Сравним распределения по двум переменным в трех фрагментах. Но сначала надо сказать несколько слов о распределении частей речи. Как и следовало ожидать, везде доминируют существительное и глагол, образующие основу любого синтаксиса. Однако соотношения этих частей речи в трех фрагментах разные: в стилизованном тексте и триадах доли существительного и глагола значительно выше (см. табл. 2), а доли большинства остальных классов заметно выше в фоновом тексте. Стилизованные фрагменты более однообразны, образуя цепочки, состоящие из комбинации глаголов и существительных. Такое нагнетание создает впечатление лавины, все сметающей на своем пути, подчеркивая и даже имитируя революционный процесс.

Определенный вклад в создание такого настроения производит и размер слова, который примерно одинаков в стилизованных частях, при этом существенно превышая этот показатель в фоновой части (см. табл. 3). Обратное соотношение имеем для коэффициента вариации, который в полтора-два раза меньше, чем в фоновом фрагменте. Это вызвано преимущественно тем, что в фоновом фрагменте доля служебных слов достаточно велика, а в стилизованных ничтожно мала (см. табл. 2).

В целом такие структуры мобилизуются для отражения динамизма эпохи, ее «сверхвысоких энергий». Но энергия эта имеет разную природу. Это в первую очередь «огненная река» революции, преобразующая старый затхлый мир в мир революционного порыва и дерзания. Это и трудовой энтузиазм напряженной и сложной матросской жизни в рамках жесточайшей дисциплины. Но наряду с такой позитивной энергией расцветает разрушительная энергия наживы, стяжания, криминала, разбоя главных героев — неразрывного тандема друзей Ваньки-граммофона и Мишки-крокодила: «Дело идет, контора пи-

Таблица 2. Распределение частей речи

Части речи	Фоновый текст	Стилизованный текст	Коллекция триад
Существительное	0,312	0,465	0,432
Глагол	0,229	0,315	0,365
Прилагательное	0,151	0,110	0,014
Наречие	0,011	0,014	0,081
Предлог	0,172	0,027	0,108
Сочинит. союз	0,086	0,027	0,000
Прочие	0,039	0,042	0,000

Таблица 3. Длина слова в различных фрагментах текста

Длина словоупотребл.	Фоновый текст	Стилизованный текст	Коллекция триад
1	0,140	0,057	0,108
2	0,129	0,000	0,000
3	0,043	0,014	0,054
4	0,129	0,086	0,108
5	0,161	0,186	0,095
6	0,097	0,243	0,176
7	0,161	0,129	0,176
8	0,022	0,129	0,100
9	0,054	0,057	0,041
10	0,011	0,086	0,068
11	0,054	0,000	0,068
12	0,011	0,014	0,028
13	0,011	0,000	0,000
Среднее	5,05	6,386	6,649
Коэфф. вариации	0,612	0,313	0,268

шет. Ванька-Мишка денежки гребут». У Артема Веселого нет в слогe никакого революционного пафоса. Рафинированная объективность и трезвый взгляд на действительность.

4. Лестничные структуры

Лестничные конструкции приводят не только к образованию триад. Во многих случаях такие структуры распространяются и на более протяженные образования, включающие более трех ступеней. В рассматриваемом рассказе использованы три лесенки, включающие 5, 7 и 9 ступеней. Каждая из этих лесенок строится по трем моделям: глагольно-субстантивной («облака топтали»), предложно-субстантивной («на Оренбург бурей») и атрибутивно-именной («Пляско вино»). В лесенках ступени-предложения коротки. Средний размер такого предложения равен 2,83, а коэффициент вариации — 0,353, что находится в соответствии с другими стилизованными фрагментами.

5. Заключение

Рассмотрены синтаксические триады типа «Чокнулись, уркнули, крякнули» и более крупные образования, имеющие облик связного текста, включающего подобные модели. Установлена их особая роль в повествовании в сравнении с обычным, фоновым текстом. Такие фрагменты текста в выпуклой форме передают накал революционных страстей, их необузданную стихию и мощь народного порыва, сметающего все на своем пути. Но не только. Это и энергия стяжательства и наживы, внедренная в революционные массы для удовлетворения корыстных интересов криминально-буржуазных элементов.

Литература

1. *Анализ художественного текста. Русская литература XX века: 20-е годы.* (2018) Отв. ред. Рогова К. А. СПб: Изд-во СПбГУ.
2. *Мартыненко Г. Я., Шерстинова Т. Ю., Мельник А. Г., Попова Т. И.* Методологические проблемы создания Компьютерной антологии русского рассказа как языкового ресурса для исследования языка и стиля русской художественной прозы в эпоху революционных перемен (первой трети XX века) / Компьютерная лингвистика и вычислительные онтологии. Вып. 2 (Труды XXI Межд. объедин. конф. «Интернет и современное общество, IMS-2018, Санкт-Петербург, 30 мая — 2 июня 2018 г.»). — СПб: Университет ИТМО, 2018. С. 99–104.
3. *Новиков Л. А.* (1990) *Стилистика орнаментальной прозы Андрея Белого.* М.: Наука.
4. *Нильссон Н. О.* (1993) *Русский импрессионизм: стиль «короткой строки».* Русская новелла. Проблемы теории и истории / СПб: Изд-во СПбГУ. С. 236–249.
5. *Русский рассказ XX века: Антология (2005)* / Сост. и автор рис. на обложке Вл. Сорокин. М.: Захаров.

6. *Смирнов И. П.* (1993) О смысле краткости / Русская новелла. Проблемы теории и истории. СПб: Изд-во СПбГУ, с. 1–5.

References

1. Analiz khudozhestvennogo teksta. Russkaya literatura XX veka: 20-e gody [Analysis of fiction. Russian literature of the 20th century: the 20th years] (2018) Rogova K. A. (ed.) SPb: SPbGU.
2. *Martynenko G. Y., Melnik A. G., Popova T. I., Sherstinova T. Y.* (2018), Methodological problems of creating the Computer Anthology of Russian short stories as a language resource designed to study language and style of Russian prose in the era of revolutionary changes (in the first third of the 20th century). In: *Komp. lingvistika i vychislitel'nye ontologii*. Vyp. 2, IMS-2018, SPb: ITMO, pp. 99–104.
3. *Novikov L. A.* (1990) *Stilistika ornamental'noj prozy Andrey Belogo* [Stylistics of the ornamental prose by Andrei Bely]. M.
4. *Nilsson N. O.* (1993) Russkij impressionizm: stil' «korotkoj stroki». Russkaya novella. Problemy teorii i istorii [Russian Impressionism: the 'Short-line' Style of Russian story. Problems of Theory and History], SPb: SPbSU, pp. 236–249.
5. *Russkij rasskaz XX veka: Antologiya* [Russian Story of the 20th Century: Anthology] (2005) / Sorokin V. I. (Comp.). M: Zakharov.
6. *Smirnov, I. P.* (1993) О смысле краткости [On the Meaning of Shortness]. In: *Russkaya novella. Problemy teorii i istorii* [The Russian Novel. Problems of theory and history]. SPb: SPbGU, pp. 1–5.

Мартыненко Григорий Яковлевич

Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

Gregory Martynenko

St. Petersburg State University (Russia)

E-mail: g.martynenko@gmail.com